

Коваленко 1895 — *Коваленко Г.* О составлении словаря народной медицины // Фельдшер. 1 апреля 1895. № 7. С. 216—217.

Короткевич 1891 — *Короткевич В. К.* Из народной медицины // Фельдшер. 15 августа 1891. № 16. С. 205—206.

Лозинский 1895 — *Лозинский А. А.* Программа для собирания сведений о знахарстве // Фельдшер. 1 сентября 1895. № 17. С. 461—462.

Лозинский 1896 — *Лозинский А. А.* Психология знахарства // Северный вестник. 1896. № 9.

Мамаладзе 1892 — *Мамаладзе С.* Малорусские знахари и их способы лечения // Фельдшер. 15 августа 1892. № 16. С. 191—192.

Моллесон 1869 — *Моллесон И.* Очерк народной медицины в России // Архив судебной и общественной медицины. СПб., 1869. Кн. 4. Декабрь. С. 1—19.

Попов 1903 — *Попов Г. И.* Русская народно-бытовая медицина: по материалам этнографического бюро кн. В. Н. Тенишева. СПб., 1903.

Путинский 1892 — *Путинский Г.* Психическое влияние народной медицины // Фельдшер. 15 августа 1892. № 16. С. 185—188.

Рейн 1889 — *Рейн Г. Е.* Речь о русском народном акушерстве // Дневник Третьего съезда Общества русских врачей. 1889. № 6. С. 187—199.

Родзевич 1892 — *Родзевич Г.* О лечении народом каменной болезни // Фельдшер. 15 февраля 1892. № 4. С. 60—61.

Сорокина 2008 — *Сорокина Т. С.* История медицины. М., 2008.

Темплинг 1996 — *Темплинг В. Я.* Народная медицина русского населения Западной Сибири XIX в. (социокультурный аспект). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1996.

Улановский 1891 — *Улановский.* По поводу статьи: «Материалы по народному акушерству» // Фельдшер. 1 октября 1891. № 19. С. 246.

Чмелев 1895 — *Чмелев П.* Аполлон — врачеватель ожогов // Фельдшер 1895. № 13. С. 364—365.

Summary. *This article covers the history of the county medicine in Russia and its coexistence with folk medicine and rural people's beliefs about diseases and their treatment at the end of XIX—XX centuries. The text brings up the problems of struggle against healers in Russian village and formation of folk-medicine studies in Russia.*

Key words: *the county medicine, health care, folk medicine, folk beliefs, healers.*

ББК 82.3(2Рос=Рус) — 6
УДК 398.3(=161.1) (470.13)

Ю. А. КРАШЕНИННИКОВА
(*Сыктывкар*)

ЛЕЧЕБНЫЙ ЗАГОВОРНО- ЗАКЛИНАТЕЛЬНЫЙ РЕПЕРТУАР РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ С. ЛОЙМА ПРИЛУЗСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ КОМИ

(В записях начала XXI века)

Аннотация. *Статья посвящена обзору заговорно-заклинательного репертуара, записанного в начале XXI в. от русского населения, проживающего на территории Прилузского района Республики Коми. Автор рассматривает материалы, связанные с лечебно-профилактическими практиками, этиологией заболеваний, содержащие описания лечения заболеваний.*

Ключевые слова: *заговор, заклинание, народная молитва, Лойма, Республика Коми.*

На территории Республики Коми выделяется несколько локальных традиций, которые формировались русским населением в иноэтническом окружении. Одной из них является фольклорная традиция села Лойма и населенных пунктов, относящихся к Лоемской сельской администрации Прилузского района Республики Коми — района с преобладающим коми населением. Лойма, впервые упомянутая в 1620 г. в дозорной книге Сольвычегодского уезда, в разное время входила в состав Сольвычегодского, Лальского и Усть-Сысольского уездов Вологодской губернии [Жеребцов 1994, 139], к Республике Коми была присоединена в 1921 г.

Фольклорная культура русской Лоймы формировалась в условиях достаточно тесных контактов местных жителей с коми населением, что способствовало «закреплению в исторической памяти» лоемцев «традиционных форм фольклорной культуры как способа укрепления своей «инакости» среди аборигенов» [Власов, Канева 2006, 24—25].

В материалах, записанных в начале XXI в. от лоемских информантов (записи 2004, 2006, 2009, 2010 гг.), выделяется довольно большой корпус магических текстов (заговоров, заклинаний, оберегов, благопожеланий, приговоров, ритуальных диалогов) самой разной тематики. В настоящей статье мы остановимся на материалах, связанных с лечебно-профилактическими практиками, направленными на лечение болезней человека (о других см.: [Крашенинникова 2009]).

В группе лечебных заговоров преобладают «специализированные» тексты, с помощью которых производили лечение конкретного соматического или психического заболевания (нарыва, грыжи, боли в пояснице, эпилепсии, бессонницы, ожога, ангины, зубной боли, кровотечения, боли в суставах, беспокойства и др.). Говоря о содержательной части, отметим, что тексты лечебных заговоров содержат мифологические представления о болезни, описание способа ее лечения (место локализации в организме, форма, внешний вид, спектр возможного воздействия болезни на организм и т. д.). Среди композиционно-стилистических особенностей имеющих текстов выделяется несколько структурных элементов — часть, в которой содержатся характеристика заболевания и описание его лечения, пожелание или ссылка, закрепка и «зааминивание». Характерными чертами большинства записанных лечебных заговоров являются лаконичность, небольшой объем, достаточно часто в них используется прием синтаксического параллелизма, например: «*Как огонек горит, так и боляток¹ пусть сгорит у раба Божьего (имя рек)*» (Зап. от А. И. Лобановой, 1923 г. р., с. Лойма. Соб. Ю. А. Крашенинникова. 2004 г.) [ИЯЛИ. АФ 1536-35]², «*Как эта матница в избе сохнет, так же бы сырая жаба³ у рабы Божьей (имя рек) сохла. Аминь, аминь, аминь*» (Зап. от В. В. Евсее-

¹ Колики, боли в животе. В народной терминологии — «стрекать боляток».

² Приговаривая, водили по животу ребенка потушенной лучинкой, угольком и чагой (Зап. от Н. А. Борисовой, 1929 г. р., д. Вотинская. Соб. А. Н. Рассыхаев. 2004 г.) [ИЯЛИ: ВФ 1526-39] и др.).

³ Нарывы и воспаление в горле, ангина.

вой, 1934 г. р., д. Карповская. Соб. Ю. А. Крашенинникова. 2004 г.) [ИЯЛИ. АФ 1540-16], «*Как сучок засох, так и у раба Божьего Ивана пусть засохнет чирiek*» (Зап. от А. И. Лобановой, 1923 г. р., с. Лойма. Соб. Ю. А. Крашенинникова. 2004 г.) [ИЯЛИ. АФ 1536-40] и др.

При лечении грыжи наравне с лаконичным заклинанием «сама родила, сама и загрызу» используется заговор с формулами-перечнями, в которых перечисляются разновидности грыжи и места ее локализации в организме: «*Грызую грызю, загрызаю пуповую, мудовую, урочную, болючную, чтобы не было у рабы Божьей (имя рек) ни в руках, ни в ногах, ни в устных очах⁴, ни в легких, ни в печени, ни в крови горячей, ни в буйной голове. Будьте мои слова крепки, лепки, от ныне до ныне веков. Аминь, аминь, аминь*» (Зап. от В. В. Евсеевой, 1934 г. р., д. Карповская. Соб. Ю. А. Крашенинникова. 2004 г.) [ИЯЛИ. АФ 1540-21]. Грызю «закусывали»: «*в коре есть червяки белые, много у их лапок. Ежели у ребенка грыжа, да этого червяка посади <на грыжу>, он так его <ребенка> укусит, ребенок даже заревет, заревет грыжа дак. ...<Потом дома>сучок найди, возьми водички святой, налей и по солнышку эдак сучок обведи, сучок обведи и потом пупик обведи, <скажи>: “Как этот сучок подсыхает, да водичка подсыхает, так чтобы у раба Божия подсохло. Будьте мои слова крепки, лепки на веки. Аминь”.* Три раза сучок обведи, и три раза пупик обведи по солнышку» (Зап. от В. П. Шехониной, 1932 г. р., с. Лойма. Соб. Ю. А. Крашенинникова. 2006 г.) [АА].

От бессонницы на заходе солнца произносили заговор: «*Заря-зорница, красная девица, возьми у Валерия бессонницу, дай мне сонницу*» (Зап. от А. И. Лобановой, 1923 г. р., с. Лойма. Соб. Ю. А. Крашенинникова. 2006 г.) [АА]. При кровотечении трижды произносили текст: «*Шла баба по ричке, вела быка на нитке, нитка урвалась, и кровь унялась*» (Зап. от А. П. Лобановой, 1920 г. р., д. Кузнецовская. Соб. Ю. А. Крашенинникова. 2009 г.) [АА]. Похожая зачинная «картина» встречается и в заговоре от ожога: «*Шла баба*

⁴ Так в аудиозаписи, следует читать «ни в устах, ни в очах».

по ричке, несла три ведра водички, от отвару, от пожару, от огня, щепоту уняла. Аминь» (Зап. от Л. Н. Мокиевой, 1930 г. р., В. В. Евсеевой, 1934 г. р., д. Карповская. Соб. Ю. А. Крашенинникова. 2004 г.) [ИЯЛИ. ВФ 1531-29]⁵. Бородавки обвязывали ниткой, которую закапывали с приговором: «*Когда эта ниточка изгниёт, дай бородавки сойдут*» (Зап. от М. И. Шехониной, 1925 г. р., д. Тарасовская. Соб. А. Н. Рассыхаев. 2010 г.) [АА]. От мужской импотенции наливали в емкость воду и трижды обливали этой водой гребень петуха, приговаривая: «*Как у петушка стоит, да так чтобы у меня у мужичка добро стояло*», после чего поили мужчину этой водой (Зап. от В. П. Шехониной, 1932 г. р., с. Лойма. Соб. Ю. А. Крашенинникова. 2010 г.) [АА].

Так называемые «универсальные» заговоры, направленные на лечение нескольких заболеваний, встречаются редко. Отметим текст, который состоит из экспозиции, содержащей описание движения заговаривающего (формула «поступательного движения») к месту «встречи» с чудесным помощником, повествовательной части с перечнем болезней и персонажей-вредителей, закрепи и заминивания: «*Если человек болеет и считает, что кто-то его заколдовал, молитва тоже есть: “Я, раба Божья Александра, пойду, перекрестясь, пойду, благословясь, из двери, из дверей на улицу, с улицы в чистое поле. В чистом поле жука-калыга железные зубы, оловянные глаза, ела бы подала притчи, уроки от двенадцати болей, от двенадцати хворобей, от щипоты, ломоты, хворобы, от грудной боли, от ушной, головной <что болит у человека, всё перечисляется — комментарий информанта>, ручной, спинной, горла, носа, глаза, рук, рта, языка, спины, коленей, от бабы-простоволоски, от бабы-пустоголоски, от*

⁵ В одном из вариантов заговора от ожога появляется лексема «икота»: «*Шла баба по речке, несла три ведра водички от ожога, от отвару, от огня и икоту уняла. Аминь, аминь, аминь*» (Зап. от В. В. Евсеевой, 1934 г. р., д. Карповская. Соб. Ю. А. Крашенинникова. 2004 г.) [ИЯЛИ: АФ 1540–17]. Вероятно, это связано с представлениями о том, что икоту можно унять, выпив несколько глотков воды [Левкиевская 1999, 402].

врага и злодея, от колдуна и колдуньи, от всякого негодяя. Будьте слова крепки, лепки, тверды и правильны. Во имя Отца и Сына, Святого Духа. Аминь”» (Зап. от А. И. Лобановой, 1923 г. р., с. Лойма. Соб. Ю. А. Крашенинникова. 2004 г.) [ИЯЛИ. АФ 1536-37].

Лечение ряда заболеваний проводилось без вербальной составляющей или с минимальной долей участия последней. Так, от бессонницы обмывали углы стола и дверную скобу, затем этой водой обмывали ребенка (Зап. от А. А. Мокиевой, 1920 г. р., д. Тарбиевская. Соб. Ю. А. Крашенинникова. 2004 г.) [ИЯЛИ. АФ 1544-18]; щетинку у новорожденного ребенка удаляли в бане: немного распаривали тело, затем намазывали спинку и плечи жидким тестом, накрывали пеленкой и поглаживали намазанные места (Зап. от А. И. Лобановой, 1923 г. р., с. Лойма. Соб. Ю. А. Крашенинникова. 2004 г.) [ИЯЛИ. ВФ 1531-41], нарывы и воспаление в горле (*жабу*) лечили «четверижной» солью, т. е. солью, положенной к иконам на Великий четверг (Зап. от З. П. Помысовой, 1909 г. р., д. Козловская. Соб. Ю. А. Крашенинникова. 2004 г.) [ИЯЛИ. 1545-14a], сглаз «смывали» водой из трех ручьев (Зап. от А. П. Шехониной, 1925 г. р., с. Лойма. Соб. Ю. А. Крашенинникова. 2010 г.) [АА] и др.

Зафиксировано несколько вариантов описания лечения эпилепсии (*родимца*). Так, *родимец* «обрубали»: больного накрывали корытом, на корыто клали ветки (информант упоминает березу) и, произнося четыре раза слова «*все боли-хвори отрубаяю*», топором имитировали обрубание с четырех сторон (Зап. от А. И. Лобановой, 1923 г. р., с. Лойма. Соб. Ю. А. Крашенинникова. 2004 г.) [ИЯЛИ. АФ 1536-53]. Чтобы приступ эпилепсии прекратился, во время него нужно было вырезать клин из рубашки больного и засунуть в паз в стене (Зап. от М. И. Шехониной, 1925 г. р., д. Тарасовская. Соб. А. Н. Рассыхаев. 2010 г.) [АА]. Любопытное описание лечения родимца записано в 2010 г.: на больного, которого «бьет родимец», нужно, сбросив с себя всю одежду и нижнее белье, сесть голышом на область гениталий и прижать на его левой руке 171

два пальца — мизинец и безымянный (Зап. от А. П. Шехониной, 1925 г. р., с. Лойма. Соб. Ю. А. Крашенинникова. 2010 г.) [AA].

Заговоры от сглаза и порчи по содержанию, стилистике, «набору» структурных элементов вполне традиционны для севернорусской традиции. Большинство их лаконичны, используют императивные заклинательные формулы и формулы сравнения: *«Колдуну да колдунье сквозь уши чтобы прошел железный гвоздь. Аминь, аминь, аминь»* (Зап. от В. П. Шехониной, 1932 г. р., с. Лойма. Соб. Ю. А. Крашенинникова. 2006 г.) [AA]; *«Чур, моя черная сила, чур, моя злая кровь»* (Зап. от А. И. Лобановой, 1923 г. р., с. Лойма. Соб. Ю. А. Крашенинникова. 2004 г.) [ИЯЛИ. АФ 1537-24]. Чтобы уберечь ребенка от сглаза, легонько стучали его три раза по лбу половником и приговаривали: *«Как эта повареночка по шестку таскается, не урочится, так чтобы и раб Божий, дитя мое (имя рек) не урочился»* (Зап. от Л. С. Чужмаровой, 1928 г. р., с. Лойма. Соб. Ю. А. Крашенинникова. 2006 г.) [AA]. (Вар.: *«Пошла в люди-то (т. е. из дома, на улицу. — Ю. К.), постучи поварешкой по лбу-то <ребенка> и скажи: “Повареночка в люди, ребенок дома”*» (Зап. от А. И. Лобановой, 1923 г. р., с. Лойма. Соб. Ю. А. Крашенинникова. 2004 г.) [ИЯЛИ. АФ 1537-9]. В одном из текстов центральным образом является река, смывающая «все боли, скорби, притчи, уроки»: *«Быстрая ричка, чистая водичка, рвешь ты пеня-коренья, желты песка, круты бережка. Сорви и стащи с меня, с рабы Божьей Зинаиды, все боли, скорби, притчи, уроки, унеси во синее море. Во синем море зеленым мошком подернёт, желтым песком засыплёт, будет годы годовать, веки вековать, замок в море, ключ в небе. Во веки веков, аминь”*. Вот это тоже заговорная молитва, чтобы никто не мог не запретить и не испортить» (Зап. от З. П. Помисовой, 1909 г. р., д. Козловская. Соб. Ю. А. Крашенинникова. 2004 г.) [ИЯЛИ. АФ 1547-44].

В ряде случаев беспокойное поведение и постоянный плач ребенка были симптомами сглаза. Тогда человеку, который предположительно

сглазил, давали ковш с водой, где он должен был увидеть свое отражение. Затем этой водой брызгали ребенка, находящегося под матицей. При сильном плаче ребенка часть прялки, на которую наматывают кудель (в местной терминологии — *пресница*), втыкали в матицу (Зап. от З. Ф. Притчиной, 1931 г. р., пос. Коржинский. Соб. Ю. А. Крашенинникова. 2010 г.) [AA], также обмывали девять ложек и четыре угла стола, после чего поили этой водой ребенка (Зап. от В. В. Евсеевой, 1934 г. р., д. Карповская. Соб. Ю. А. Крашенинникова. 2010 г.) [AA].

Интересный текст возникает в результате контаминации канонической молитвы «Отче наш» и заговора от порчи⁶: *«Отче наш, да иже еси на небеса, да святится имя твое, да будет царствие твое, да будет воля твоя, да яко же земли хлеб наш насущный дашь нам днесь. И мы долги оставляем нашим должникам. Да Отче наш, да не введи нас в искушение, избавь нас от всякого от лукавого, от зла. Пойду я в чисто-то поле, пробежусь по чистому-то полю, на чистом-то поле серый камень лёжит, на сером-то камне три девицы, три красавицы сидят, все обнимаются, словные наговорные <нрзб.> все слова. Будьте мои слова крепки, лепки навеки. Аминь. Этим девицам, красавицам молюсь, унижаюсь, удивляюсь, чтобы всё с меня чтобы зло ушло»* (Зап. от В. П. Шехониной, 1932 г. р., с. Лойма. Соб. Ю. А. Крашенинникова. 2006 г.) [AA]. «Соединение» двух фрагментов может объясняться, на наш взгляд, семантикой «ключевого» слова: так, *лукавый* в народных представлениях обладает спектром значений, в числе которых «хитрый и умышляющий, коварный, скрытный и злой, обманчивый и опасный, криводушный, притворный, двуличный, злонамеренный; бес, дьявол, сатана, нечистый, злой дух» [Даль 1995, т. 2, 272], собственно говоря, — олицетворение зла. Очевидно, такое восприятие образа «лукавого» спровоцировало появление в первой части текста лексемы «зло» в сочетании «избавить от зла» и своеобразного «по-

⁶ В данном случае мы говорим о контаминации, учитывая комментарий информанта, который воспринимает этот текст как один, называя его молитвой.

стскриптума» с пожеланием «с меня чтобы зло ушло» после заминивания; в конечном счете, дублирование направлено на усиление эффективности магического текста.

Еще один заговор от порчи строится на описании поступательного движения персонажа к сакральному центру и пожелании перенесения свойств космических объектов (недосягаемость, чистота) на заговаривающего: «Стою я, раба Божья, благословеса, пойду, перекрестеса, из дверей во двери, из ворот в ворота, выхожу я, раба Божия, на белой свет, на утреннюю зорю, на красное солнышко. Как белой свет, утреннюю зорю, красное солнышко никто не может ни запретить, ни испортить, ни мужик-еретик, ни баба-колдовка, ни девка-простоволоска. Еретные слова, пойте (пойдите, идите. — Ю. К.) в поле, в поле стоит столб, из столба в камень, еретнику в ретивое сердце. Аминь» (Зап. от З. П. Помысовой, 1909 г. р., д. Козловская. Соб. Ю. А. Крашенинникова. 2004 г.) [ИЯЛИ. ВФ 1530-29].

Анализ имеющегося аудиоматериала подтверждает наблюдения собирателей и исследователей относительно манеры произнесения заговорных текстов: некоторые заговоры произносятся на «одном дыхании», с особой интонацией. Соблюдение принципа троекратности, актуализация числового кода происходит на разных уровнях текста: весь текст, только закрепка, заключительное молитвенное слово «Аминь», отдельные лексемы произносятся три раза (в единичных случаях — девять раз), столько же раз производятся и сопровождающие магический текст действия. Преимущественное использование числа «три» связано с трактовкой его как «образа некоего абсолютного совершенства» и объясняется тем, что это число представляет собой «идеальную структуру с выделяемым началом, серединой и концом... <...> идеальную модель любого динамического процесса» [Топоров 2005, 234—235]. Использование числа «четыре», которое символизирует «статическую целостность, идеально устойчивую структуру» [Там же, 235], встречается в ритуалах или текстах, направленных на символическое ограждение пространства вокруг заговаривающего (при лечении родим-

ца, в заговорах на каждый день, при отпущении в путь).

Очевидно, что важной остается предметная и акциональная составляющие лечебных обрядов; в материалах, записанных от современных информантов, фиксируются комментарии относительно строгой регламентации выбора места и времени проведения ритуалов, набора аксессуаров. Говоря о сочетании акциональной и вербальной составляющих заговаривания, отметим, что выделяются разные типы соотношения действий и текста: «проговаривание» ритуала «наперед», синхронное следование заговорного текста и магических действий, чередование действий и текста и т. д.

В отношении структурных особенностей записанных заговоров отметим, что современные информанты предпочитают лаконичные заклинательные реплики или тексты, которые строятся с помощью приема синтаксического параллелизма, используют формулы сравнения, каких в местном репертуаре довольно много. Приведем один пример: рассказывая о способах защиты невесты от сглаза, информант включает в повествование краткие заговорные тексты, простота которых говорит в пользу предположения о сиюминутном их сочинении⁷. «Вдевали иголку в подол (невесте. — Ю. К.), вокруг иголки нитку обведут и приговорят: “Когда эта ниточка сквозь иголочку пройдет, тогда невесту (имя рек) сглазят”» (Зап. от А. И. Лобановой, 1923 г. р., с. Лойма. Соб. Ю. А. Крашенинникова. 2004 г.) [ИЯЛИ. АФ 1542—55], «Невесте втыкали иголку с ниткой в подол (при этом нитку обертывали вокруг иголки. — Ю. К.): “Только тогда разлучат рабов Божьих Ивана и Марию, когда эта ниточка пройдет сквозь ушко”» (Зап. от А. И. Лобановой, 1923 г. р., с. Лойма. Соб. Ю. А. Крашенинникова. 2004 г.) [ИЯЛИ. АФ 1537-20]. Напротив, сложные в композиционном отношении тексты, состоящие из нескольких структурных элементов (молитвенное вступление, зачинный эпизод с опи-

⁷ «Особая простота» заговорных текстов XVII в. позволила Е. Н. Елеонской предполагать, что «многие из них составлялись тотчас, как только в них являлась нужда» [Елеонская 1912, т. 4, 613].

санием поступательного движения заговаривающего, повествовательная и заклинательная части, в которых воссоздается мифологическая ситуация и предлагается «способ» ее разрешения, закрепка, зааминивание), единичны. При повторных исполнениях эти тексты воспроизводятся информантами почти дословно, без каких-либо кардинальных текстовых изменений.

В числе чудесных помощников в заговорах упоминаются святые, безымянные и персонифицированные персонажи, антропоморфные существа и др. Чудесные персонажи привлекаются по «специализации»: Богородица, Параскева, Клавдия помогают в «отпирании молока», к Николаю Чудотворцу обращаются для получения помощи при потере дороги, «баба с тремя ведрами водички» исцеляет от ожога, «три девицы, три красавицы» защищают от порчи. Пожалуй, единственным «универсальным» чудесным помощником можно считать Христа.

Вредители, способные испортить и напустить болезнь, перечисляются списками. В одном ряду с колдунами и колдуньями («мужик-еретик», «баба-колдовка») называются «баба-простоволоска» (т. е. женщина с распущенными волосами, непокрытой головой), «баба-пустоголоска» (распускающая слухи, вздорная, пустая женщина), «негодяй» («негодный, плохой, дурной, безнравственный человек» [Даль 1995, т. 2, 509]), «лиходея» («злой, мстительный, лукавый» [Там же, 257]) и др. Современные записи сохраняют традиционные представления о способности завистливых, злопамятных, болтливых, безнравственных людей нанести порчу через выделения (слюна, запах) [Мифология коми 1999, 362], брань, которая в народных представлениях рассматривается как проявление нечистого и является отличительным признаком представителей «чужого» мира [Санникова 1995, 250—253].

Говоря о народной терминологии относительно дефиниций магических текстов, отметим, что лоемские информанты называют их *молитвами*, *статейками*, *словами*. Выделим одно пояснение, сделанное исполнителем при комментировании текста на

отел коровы и касающееся разграничения заговоров и молитв: по замечанию информанта, в молитве обязательно упоминается святой (Зап. от А. И. Лобановой, 1923 г. р., с. Лойма. Соб. Ю. А. Крашенинникова. 2006 г.) [AA]. Субъектами ритуалов заговаривания являются, как правило, пожилые женщины, что отразилось в их номинации — *старушка*, *бабушка*; актуальны и названия *знающая (-ий)*, *знахарка*, содержащие представления о них как обладающих магическим знанием. Широкое распространение в местной традиции получило название *словодуйка*, заключающее в себе представления о способе воздействия знающего человека на пациента: женщина, произносящая заговор, «дует слова» на воду, продукты (соль, конфеты, яйцо, сахар), которые потом даются больному. Среди единичных номинаций лекарей отметим название *нарочная старуха* (Зап. от З. П. Помысовой, 1909 г. р., с. Козловская. Соб. Ю. А. Крашенинникова. 2006 г.) [AA], в котором значение лексем «нарочный» указывает на специальное предназначение женщины (ср.: нарочный — не случайный, сделанный с намерением [Ушаков 2004], устроенный для известной цели, именно для этого случая [Даль 1995, т. 2, 462]).

Еще одно свидетельство касается процедуры запоминания заговорных текстов современными информантами. Исполнительница, рассказывая о том, как происходило запоминание заговора, отметила: «*как стихотворение начинает учить, так она (родственница. — Ю. К.) меня <учила заговору>*» (Зап. от З. Ф. Притчиной, 1931 г. р., пос. Коржинский. Соб. Ю. А. Крашенинникова. 2010 г.) [AA].

Таким образом, лоемская фольклорная культура начала XXI века характеризуется наличием довольно объемного лечебного заговорно-заклинательного репертуара, в котором присутствуют тексты самой разной тематики. Современные информанты используют в обиходе преимущественно заклинательные реплики или лапидарные тексты, которые строятся с помощью приема синтаксического параллелизма, формул сравнения; сложные в структурном отношении записи единичны.

Литература

Власов, Канева 2006 — Власов А. Н., Канева Т. С. К проблеме феноменологии локальных традиций (по результатам исследования фольклорной культуры Европейского Северо-Востока России) // Народная культура Европейского Севера России: региональные аспекты изучения. Сыктывкар, 2006. С. 16—39.

Жеребцов 1994 — Жеребцов И. Л. Где ты живешь. Населенные пункты Республики Коми: Историко-демографический справочник. Сыктывкар, 1994.

Даль 1995 — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. М., 1995.

Елеонская 1912 — Елеонская Е. Н. Заговоры и колдовство на Руси в XVII и XVIII столетиях // Русский архив. 1912. Т. 4.

Крашенинникова 2009 — Крашенинникова Ю. А. Скотоводческая магия русского населения села Лойма // Живая старина. 2009. № 3. С. 18—20.

Левкиевская 1999 — Левкиевская Е. Е. Икота // Славянские древности. Этнолингвистический словарь под ред. Н. И. Толстого. Т. 2. М., 1999. С. 402.

Мифология коми 1999 — Мифология коми. М.; Сыктывкар, 1999.

Русские заговоры 1993 — Русские заговоры / сост., предисл. и примеч. Н. И. Савушкиной. М., 1993.

Санникова 1995 — Санникова О. В. Брань // Славянские древности. Этнолингвистический словарь под ред. Н. И. Толстого. Т. 1. М., 1995. С. 250—253.

Ушаков 2004 — Большой толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 2004.

Сокращения

АА — архив автора.

ИЯЛИ — фольклорный фонд Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН (г. Сыктывкар), АФ — аудиофонд, ВФ — видеофонд.

НМ РК — фольклорная коллекция Национального музея Республики Коми.

Summary. *The present article is dedicated to the review of incantation-conjuration texts: charms (zagovory i prigovory), incantations (zaklinaniia), well-wishing (blagopozhelaniia), ritual dialogues that accompany healing, life-cycle, calendrical, animal husbandry, and other rituals in records of the early twenty-first century from the Russian population living in Lojma village in the Komi Republic — the area with predominant Komi population.*

Key words: *charm, incantation, pray, Lojma village, interethnic folklore connections.*

ББК 82.3

УДК 398

Л. А. АВИЛОВА,
А. В. ЧЕРНЕЦОВ
(Москва)

СОВРЕМЕННЫЕ МАГИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ. ОПЫТ НАБЛЮДЕНИЯ

Аннотация. *Статья представляет собой публикацию записи рассказа о визите к знахарке в современной России. Сеанс включал вызывание духов умерших и живых людей, а также Иисуса Христа. При этом использовались участие медиума и гипноз. Целительница и ее клиент принадлежали к достаточно обеспеченным и образованным слоям населения Москвы. В комментариях рассмотрен ряд параллелей из восточнославянской рукописной и фольклорной традиций, а также из классической русской литературы.*

Ключевые слова: *целительские практики, знахарка, гипноз, некромантия, медиум, современная Россия.*

Публикуемая запись произведена старшим научным сотрудником Института археологии РАН, доктором исторических наук Л. И. Авилловой. Она не является специалистом в области этнологии, фольклористики или изучения народной религиозности. В то же время в своей профессиональной деятельности ей приходилось сталкиваться с близкой проблематикой (изучение погребального обряда, семантика древних изображений, обрядовое использование орудий труда). Л. И. Авиллова принимала участие в переводе известной книги английского ученого В. Ф. Райана «Баня в полночь. Исторический обзор магии и гаданий в России» [Райан 2006] как один из основных переводчиков. Вместе с тем необходимо отметить, что она не имеет ни специальной подготовки, ни опыта в области фиксации этнографических и фольклорных явлений. Англоязычная версия предлагаемого вниманию читателей текста опубликована [Avilova, Chernetsov 2013, 559—567].